

А. А. ТРАПЕЙКО

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА

Статья посвящена анализу фундаментальных изменений в архитектуре европейской безопасности, вызванных событиями в Украине с февраля 2022 г. Основана на сравнительном анализе стратегических документов НАТО и ЕС, экспертных оценках белорусских и международных специалистов. Доказывается, что текущий кризис представляет собой системную бифуркацию, ведущую к ремилитаризации континента и пересмотру принципов коллективной безопасности. Особое внимание уделяется диалектике взаимодействия НАТО с оборонным потенциалом ЕС.

Ключевые слова: европейская безопасность; НАТО; Европейский союз; трансформация архитектуры европейской безопасности; военно-политические отношения; украинский кризис; Республика Беларусь.

УДК 351.746

Введение. Одной из важнейших задач современности является сохранение мира и предупреждение вооруженных конфликтов, что обуславливает пристальное внимание экспертного сообщества к проблеме европейской безопасности. Исследование генезиса и эволюции системы европейской безопасности нашли отражение в ряде научных работ. Адаптацию НАТО к новым вызовам, включая усиление восточного фланга, детально анализирует К. В. Шидловский [1]. Развитие оборонного потенциала ЕС и динамику трансатлантических отношений в этот период рассматривает С. И. Новикова [2]. При этом авторы, как правило, акцентируют внимание на трендах ее трансформации, проявляющихся после создания Европейского союза: таких как поступательное расширение НАТО на восток, формирование основ общей политики безопасности и обороны (ОПБО) ЕС, а также поиск баланса между трансатлантической солидарностью и стратегической автономией Европы.

Однако события последних лет обусловили качественно иную, глубокую трансформацию архитектуры европейской безопасности, масштабы которой сравнимы лишь с изменениями после окончания Второй мировой войны.

Александр Александрович ТРАПЕЙКО (tropa2579@mail.ru), соискатель кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Беларусь).

События февраля 2022 г. стали катализатором тектонических сдвигов, потребовавших кардинального пересмотра принципов коллективной обороны и механизмов сдерживания. Как справедливо отмечает А. М. Петрашкевич, «нынешний кризис знаменует собой окончание постбиполярного периода и переход к новой системе международных отношений, характеризующейся высокой степенью непредсказуемости» [3, с. 45]. Анализ современных международных отношений позволяет интерпретировать текущую ситуацию как системный перелом, а не временный кризис. Доминирование НАТО в текущей фазе является тактическим явлением, тогда как стратегическим трендом становится постепенное усиление роли ЕС как самостоятельного военно-политического актора.

Все это обуславливает необходимость комплексного осмысления новой парадигмы безопасности, формирующейся под воздействием двух взаимосвязанных процессов: стремительной ремилитаризации Европы и системной конфронтации между Россией и западными странами. Особую значимость это приобретает для Республики Беларусь, находящейся в эпицентре геополитического противостояния.

Рассмотрению новой парадигмы, сформировавшейся в результате фундаментального разрыва с трендами предыдущих десятилетий, слабо изученной до настоящего времени, посвящена настоящая работа.

Основная часть. Военно-политический кризис в Украине, начавшийся в феврале 2022 г., стал ключевым катализатором фундаментальной трансформации архитектуры европейской безопасности. По оценкам ведущих экспертов в области международных отношений, данный конфликт представляет собой «точку бифуркации» – критический момент необратимого изменения системы международных отношений, сравнимый по значимости с окончанием Холодной войны [3, с. 45]. Воздействие украинского кризиса на европейскую безопасность проявляется в нескольких измерениях. Во-первых, произошел кардинальный пересмотр принципов коллективной обороны и сдерживания. Как отмечает К. В. Шидловский, «2022 год стал моментом истины, заставившим НАТО вернуться к своей изначальной миссии – коллективной обороне» [1, с. 33].

Во-вторых, кризис спровоцировал беспрецедентную ремилитаризацию Европы. Совокупные военные расходы стран НАТО достигли 1,27 трлн долл. в 2024 г., при этом 18 из 32 членов альянса выполнили целевой показатель в 2 % ВВП на оборону [4].

В-третьих, конфликт активизировал процессы военной интеграции в рамках ЕС. «Стратегический компас» 2022 г. ознаменовал переход от декларативных заявлений к конкретным мерам по созданию единого оборонного пространства [5].

Особенностью текущей ситуации является одновременное усиление как НАТО, так и оборонного потенциала ЕС, что создает сложную диалектику взаимодействия двух этих центров силы. Как отмечает французский эксперт П. Дарманьяк, «европейская безопасность приобретает многоуровневый характер, где трансатлантическая солидарность сочетается с растущей автономией ЕС» [6].

Украинский кризис также выявил глубокие различия в восприятии угрозы среди европейских государств. Страны Центральной и Восточной Европы настаивают на максимальном усилении восточного фланга, в то время как некоторые западноевропейские государства выступают за более сбалансированный подход. Война в Украине стала системным шоком, приведшим к пересмотру базовых принципов европейской безопасности и запустившим процессы глубокой структурной трансформации, последствия которой будут определять геополитический ландшафт региона на десятилетия вперед.

Этот стратегический разворот, обусловленный необходимостью адаптации к новой геополитической реальности, выразился в глубоких структурных реформах, включая создание новых командных структур в Ульме (Германия) и Монсе (Бельгия). Командование в Ульме, специализирующееся на логистике и тыловом обеспечении, призвано обеспечить быстрое развертывание сил на восточном фланге альянса, в то время как Центр в Монсе, ориентированный на кибероперации и противодействие гибридным угрозам, отражает растущее значение неконвенциональных вызовов безопасности. Эти изменения сопровождаются пересмотром Стратегической концепции Альянса, принятой на Мадридском саммите в 2022 г., где Россия была официально обозначена как наиболее значимая и прямая угроза безопасности стран-членов.

Важнейшим аспектом трансформации стало изменение концепции «передового присутствия». Если в 2021 г. силы НАТО в странах Балтии и Польше ограничивались батальонными тактическими группами, то к 2024 г. было возвращено постоянное размещение бригадного уровня. По данным официального отчета Альянса, общая численность войск на восточном фланге увеличилась с 5 до 40 тыс. военнослужащих [4].

В странах Балтии развертывание сил Альянса приобрело комплексный характер. В Латвии создана многонациональная бригадная тактическая группа под руководством Канады, усиленная танковыми подразделениями и современными системами ПВО. В Литве развернута бригада, основу которой составляют немецкие контингенты, включающая механизированные части и ракетные комплексы повышенной дальности. Эстония разместила аналогичное соединение под британским командованием, усиленное артиллерией и разведывательными подразделениями [4].

Финансовая составляющая реформ вызывает серьезные дискуссии. С одной стороны, наблюдается беспрецедентная консолидация — 18 из 32 членов достигли целевого показателя в 2 % ВВП на оборону. С другой — сохраняется критическая зависимость от американского финансирования, составляющего 68 % совокупного бюджета НАТО. Эта диспропорция, по мнению С. И. Новиковой, «подорывает стратегическую автономию европейских членов и создает долгосрочные риски» [2, с. 112].

Ответом Европейского союза на изменившиеся условия безопасности стала масштабная программа военной интеграции, закрепленная в «Стратегическом компасе» 2022 г. Как отмечал Ж. Боррель, «этот документ ознаменовал переход от декларативных заявлений к конкретным мерам по созданию единого оборонного пространства» [5]. Ключевой инициативой стало создание Сил быстрого реагирования ЕС численностью 5 тыс. человек. Однако, как показывают данные мониторинга реализации, процесс формирования этого подразделения столкнулся с существенными трудностями. Разногласия между странами-членами по вопросам финансирования и оперативного управления привели к тому, что полная боеготовность будет достигнута не ранее третьего квартала 2025 г. [7]. Особую сложность представляет реализация проектов в рамках Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO). Из 68 заявленных инициатив лишь 19 достигли стадии оперативного внедрения. Основными препятствиями, по оценкам П. Дарманьяка, стали «бюрократические барьеры и несовместимость национальных систем вооружений» [6].

Анализ изменений в оборонных политиках европейских государств раскрывает глубокую дифференциацию подходов. Германия, провозгласившая *Zeitenwende* («Наступление новой эры»), увеличила военные расходы до 2,1 % ВВП. Вместе с тем, как отмечает берлинский политолог М. Вебер, «реализация этой программы столкнулась с системными проблемами, включая хроническую нехватку кадров и задержку в поставках вооружений» [8].

В отличие от Германии Польша избрала стратегию «тотальной модернизации», доведя расходы на оборону до рекордных 4,2 % ВВП. Варшавский аналитик К. Новак подчеркивает, что «польская программа перевооружения направлена на создание самой мощной армии в Центральной Европе» [9]. Масштабная программа военного строительства включает беспрецедентные закупки вооружений: 250 танков M1A2 Abrams, 96 ударных вертолетов Apache, 48 истребителей F-35 и 288 многоцелевых реактивных систем HIMARS. Особое внимание уделяется развитию противовоздушной обороны — Польша приобретает системы Patriot, SAMM и SAMM-ER, создавая многоэшелонированную систему ПВО, активно развивает военную инфраструктуру, особенно в восточных воеводствах. Создается «Щит Востока» — сеть укрепленных штабов, складов и тренировочных центров, способных принять и обеспечить союзнические подкрепления, модернизируются ключевые аэродромы в Жагани, Мирославце и Ласке. Особенностью польского подхода стала ставка на тесное сотрудничество с США. На территории страны размещаются элементы американской системы ПРО Aegis Ashore, создается региональный хаб логистики и командования. Польша становится ключевым узлом трансатлантических поставок вооружений и главным операционным плацдармом НАТО на восточном фланге. Параллельно Варшава развивает собственный оборонно-промышленный комплекс, локализуя производство южнокорейских танков и самоходных гаубиц, наращивая выпуск беспилотников и боеприпасов [9].

Франция проводит последовательную политику укрепления стратегической автономии Европы, выступая инициатором ключевых оборонных инициатив в рамках ЕС. Париж наращивает расходы на оборону до 2,3 % ВВП, уделяя особое внимание модернизации ядерного арсенала как основы сдерживания. Как подчеркивает президент Франции Э. Макрон, «европейская безопасность не может обеспечиваться исключительно через трансатлантические структуры» [10]. В рамках инициативы «Стратегический компас» Франция играет ведущую роль в создании Сил быстрого реагирования ЕС, а также развитии проектов PESCO, включая разработку истребителя нового поколения FCAS и основных боевых танков MGCS.

Великобритания после выхода из ЕС сосредоточилась на укреплении трансатлантических связей и глобальном позиционировании. Лондон сделал акцент на готовность к конфликтам высокой интенсивности; Британия увеличила военные расходы до 2,5 % ВВП, создав Открытый клуб оборонного сотрудничества для партнеров вне НАТО. Как отмечает премьер-министр Р. Сунак, «поддержка Украины и сдерживание агрессии стали приоритетами нашей оборонной стратегии» [11].

Промышленные вызовы проявляются в системном кризисе оборонно-промышленного комплекса. Дефицит боеприпасов, достигший в 2024 г. 900 тыс. снарядов в год, стал следствием многолетней оптимизации производственных мощностей и зависимости от глобальных цепочек поставок. Европа столкнулась с необходимостью экстренного наращивания производства боеприпасов — текущие темпы не покрывают потребности Украины и собственных складов НАТО. По данным European Defence Agency, для восполнения запасов потребуется не менее 5–7 лет даже при условии удвоения производства [12]. Программы наращивания производства, такие как совместный проект Германии и Rheinmetall по строительству нового завода боеприпасов, сталкиваются с проблемами стандартизации (различные калибры и технические требования стран НАТО) и острой нехваткой квалифицированных кадров. Европейская комиссия оценивает необходимость инвестиций в размере 50 млрд евро для восстановления полноценного производственного цикла, включая создание стратегических запасов критических материалов и компонентов.

Сохраняется фундаментальная зависимость европейской безопасности от США, на которые приходится около 70 % совокупных военных расходов НАТО [4]. Однако нарастает неопределенность относительно долгосрочной вовлеченности Вашингтона. Серьезные разногласия возникают в вопросах промышленной политики: европейские страны выступают за развитие собственного оборонно-промышленного потенциала, в то время как США лоббируют интересы своего ВПК. Конфликт интересов проявляется в закупках вооружений, например, споры вокруг приобретения Германией истребителей F-35 вместо европейских аналогов.

К тому же в Альянсе сохраняются глубокие различия в восприятии угрозы. Страны Центральной и Восточной Европы (Польша, Прибалтика, Румыния) настаивают на максимальном усилении восточного фланга и безусловной поддержке Украины. В то же время некоторые западноевропейские государства (Франция, Германия) выступают за более сбалансированный подход, включающий элементы диалога с Москвой. Особую проблему представляет позиция Венгрии, которая блокирует отдельные решения по Украине, и Турции, чьи действия (покупка российских С-400, задержка ратификации членства Швеции) подрывают единство Альянса. Однако страны НАТО и ЕС единогласно рассматривают действия России как прямую экзистенциальную угрозу европейской безопасности. Как отмечается в Стратегической концепции НАТО 2022 г., «российская агрессия представляет собой наиболее значимую и прямую угрозу безопасности союзников» [13, с. 12].

Эти вызовы требуют комплексного ответа, включающего не только увеличение военных расходов, но и глубокую структурную перестройку оборонно-промышленных комплексов европейских стран, а также выработку единых стратегических подходов к обеспечению безопасности.

Особый интерес представляет кейс Беларуси, где военная интеграция с Россией достигла качественно нового уровня. Совместные учения «Запад-2025» с участием 30 тыс. военнослужащих и размещение тактического ядерного оружия сформировали принципиально новую архитектуру безопасности на западных границах Союзного Государства. На современном этапе сотрудничество характеризуется созданием объединенных региональных группировок войск, унификацией систем вооружения и разработкой совместных планов обороны, дальнейшим углублением интеграции в рамках военной политики. Ключевыми направлениями станут: создание единого воздушно-космического оборонного пространства, формирование совместных подразделений специального назначения, расширение возможностей по размещению и быстрому развертыванию российских контингентов. Особое внимание уделяется развитию военной логистики – модернизации железнодорожной и автомобильной инфраструктуры для обеспечения быстрой переброски войск.

Как отмечает Президент Беларуси А. Г. Лукашенко, «эти меры являются асимметричным ответом на наращивание сил НАТО в регионе и формируют эффективный механизм сдерживания» [14, с. 56]. При этом, по словам Министра обороны Республики Беларусь В. Хренина, «все мероприятия осуществляются в строгом соответствии с международными обязательствами и не направлены против третьих стран» [15, с. 78].

Выводы. Таким образом, анализ национальных стратегий безопасности выявил глубокую дифференциацию подходов европейских государств. Страны Центральной и Восточной Европы демонстрируют беспрецедентную готовность к наращиванию военных расходов и принятию жестких мер сдерживания, в то время как западноевропейские государства сохраняют приверженность более сбалансированному подходу, сочетающему элементы диалога и сдерживания. Особую значимость приобретает феномен ремилитаризации Европы, выражающийся не только в росте оборонных бюджетов, но и в структурных

изменениях военно-промышленных комплексов, переориентации оборонного планирования на конфликты высокой интенсивности и возрождении дискуссий о ядерном сдерживании. Это позволяет констатировать фундаментальный характер трансформации архитектуры европейской безопасности, вызванной событиями 2022 г.

Основные выводы свидетельствуют о системных изменениях, носящих долгосрочный и структурный характер. Перспективы развития архитектуры европейской безопасности на ближайшие пять лет связаны с преодолением ключевых противоречий между трансатлантической солидарностью и стратегической автономией ЕС, между сдерживанием и диалогом с Россией, между срочным наращиванием военного потенциала и долгосрочным строительством устойчивой системы безопасности.

Для Республики Беларусь складывающаяся ситуация создает комплекс вызовов и возможностей. С одной стороны, углубление военной интеграции с Россией формирует новые механизмы безопасности. С другой стороны, нарастающая конфронтация требует выработки сбалансированного внешнеполитического курса, учитывающего региональные особенности, международные обязательства и собственные интересы.

Литература и электронные публикации

1. *Шидловский, К. В.* Архитектура безопасности НАТО: вызовы и перспективы / К. В. Шидловский. — Минск : Изд. центр БГУ, 2023. — 234 с.
2. *Шидловский, К. В.* Arhitektura bezopasnosti NATO: vyzovy i perspektivy [NATO Security Architecture: Challenges and Prospects] / К. В. Šhidlovskij. — Minsk : Izd. centr BGU, 2023. — 234 p.
3. *Новикова, С. И.* Трансатлантические отношения в новой геополитической реальности / С. И. Новикова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 2, Политология. — 2023. — № 4. — С. 112–125.
4. *Новикова, С. И.* Transatlanticheskie otnosheniya v novoj geopoliticheskoj real'nosti [Transatlantic Relations in the New Geopolitical Reality] / S. I. Novikova // Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija 2, Politologija. — 2023. — N 4. — P. 112–125.
5. *Петрашкевич, А. М.* Стратегическая стабильность в Восточной Европе / А. М. Петрашкевич // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. — 2023. — № 1. — С. 45–60.
6. *Петрашкевич, А. М.* Strategicheskaja stabil'nost' v Vostochnoj Evrope [Strategic Stability in Eastern Europe] / A. M. Petrashkevich // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. — 2023. — N 1. — P. 45–60.
7. NATO Defence Expenditure Report 2024. — Brussels : NATO Publishing, 2024. — URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2024/6/pdf/240611-def-exp-report-2024.pdf (date of access: 30.08.2025).
8. *Borrell, J.* EU Security Strategy in Changing World / J. Borrell // European Foreign Affairs Review. — 2023. — Vol. 28, Issue 2. — URL: <https://kluwerlawonline.com/JournalArticle/European+Foreign+Affairs+Review/28.2/EERR2023015> (date of access: 26.08.2025).
9. *Darmanjac, P.* European Defence Integration: Challenges and Opportunities / P. Darmanjac. — Paris : Institut franais des relations internationales, 2024. — URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/european-defence-integration-challenges-and-opportunities> (date of access: 26.08.2025).
10. EU Strategic Compass Implementation Review 2024. — Brussels : European External Action Service, 2024. — URL: https://www.eas.europa.eu/eas/eu-strategic-compass-implementation-review-2024_en (date of access: 10.09.2025).
11. *Weber, M.* German Security Policy After Zeitenwende / M. Weber. — Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024. — URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/german-security-policy-after-zeitenwende> (date of access: 14.09.2025).
12. *Nowak, K.* Poland's Defence Modernization: Ambitions and Reality / K. Nowak. — Warsaw : Polish Institute of International Affairs, 2023. — URL: <https://www.pism.org>

pl/publications/polands-defence-modernization-ambitions-and-reality (date of access: 31.08.2025).

10. *Macron, E.* Strategic Autonomy and European Defense / E. Macron. — Paris : Institut français des relations internationales, 2024. — URL: <https://www.ifri.org/en/publications/editoriaux-de-lifri/strategic-autonomy-and-european-defense> (date of access: 19.09.2025).

11. *Sunak, R.* UK Defence Strategy in Post-Brexit Era / R. Sunak. — London : Royal United Services Institute, 2024. — URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/uk-defence-strategy-postbrexit-era> (date of access: 19.09.2025).

12. European Defence Industry Report 2024. — Brussels : European Commission, 2024. — URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-defence-industry-reports_en (date of access: 21.09.2025).

13. Стратегический компас ЕС : пер. с англ. / под ред. А. И. Иванова. — Минск : Изд. центр БГУ, 2023. — 156 с.

14. *Лукашенко, А. Г.* Белорусско-российское военное сотрудничество: новые вызовы и возможности / А. Г. Лукашенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2024. — № 1. — С. 56–72.

Lukashenko, A. G. Belorussko-rossijskoe voennoe sotrudnichestvo: novye vyzovy i vozmozhnosti [Belarusian-Russian Military Cooperation: New Challenges and Opportunities] / A. G. Lukashenko // Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. — 2024. — N 1. — P. 56–72.

15. *Хренин, В. Г.* Военная доктрина Республики Беларусь в современных условиях / В. Г. Хренин // Военная мысль. — 2024. — № 2. — С. 78–89.

Khrenin, V. G. Voennaja doktrina Respubliki Belarus' v sovremennyh usloviyah [The Military Doctrine of the Republic of Belarus in Modern Conditions] / V. G. Khrenin // Voennaja mysl'. — 2024. — N 2. — P. 78–89.

ALI AKSANDR TRAPEIKA

TRANSFORMATION OF THE EUROPEAN SECURITY ARCHITECTURE AFTER 2022

Author affiliation. *Aliaksandr TRAPEIKA* (tropa2579@mail.ru), *Belarus State Economic University (Minsk, Belarus).*

Abstract. This article analyzes the fundamental changes in the European security architecture caused by the events in Ukraine since February 2022. It is based on a comparative analysis of NATO and EU strategic documents and expert assessments by Belarusian and international experts. It is argued that the current crisis represents a systemic bifurcation leading to the remilitarization of the continent and a revision of the principles of collective security. Particular attention is paid to the dialectic of interaction between the strengthening of NATO and the development of the EU's defense capabilities.

Keywords: european security; NATO; European Union; transformation of the European security architecture; military-political relations; Ukrainian crisis; Republic of Belarus.

UDC 351.746

*Статья поступила
в редакцию 06.03.2026 г.*